

КНИГА ПЕРВАЯ

Ленинград

Часть I

ПРОЗРАЧНЫЕ СУМЕРКИ

МАРСОВО ПОЛЕ

1

Лучи солнца пробивались сквозь окно, заливая комнату утренним светом. Татьяна Метанова спала безмятежным сном человека, исполненного радости теплых белых ленинградских ночей, околдованного жасминовым ароматом июня, но более всего опьяненного жизнью. Сном беззаботной юности.

Спать ей оставалось недолго.

Когда солнечные лучи пересекли комнату и упали на изножье кровати, Татьяна натянула на голову простыню, пытаясь отгородиться от дневного света. Но тут приоткрылась дверь, и Татьяна услышала, как скрипнули половицы. Это была Даша, ее сестра.

Дарья. Дашутка. Дашенька. Дашка.

Самое дорогое, что есть у Татьяны.

Однако сейчас ей больше всего на свете хотелось придушить сестру. Та пыталась ее разбудить и, к сожалению, своего добилась.

Сильные руки Даши энергично трясли Татьяну; как правило, такой мелодичный голос противно шипел:

— Ну же, Таня, проснись! Вставай.

Татьяна протестующе заворчала, но Даша стянула с нее простыню.

Никогда еще разница в семь лет не была столь очевидной. Черт возьми, как же хочется спать! И что этой Даше...

— Отстань! — пробормотала Татьяна, безуспешно пытаясь удержать простыню. — Не видишь, я сплю! В конце концов, ты мне не мать!

Дверь опять отворилась. Снова скрипнули половицы. Вот теперь это действительно была мать.

— Таня! Ты проснулась? Немедленно вставай!

А вот мамин голос мелодичностью не отличался, тут уж ничего не скажешь! Да и вообще в Ирине Метановой не было ничего гармоничного. Маленькая, шумливая, громогласная, бурлившая отрицательной энергией. Волосы перехвачены косынкой: вероятно, она все утро проползала на коленях, отмывая коммунальную ванную. Голубой летний сарафан был смят, на лбу выступили капли пота. Очевидно, воскресный день особой радости ей не принес.

— Ну же, мама... — простонала Татьяна, не поднимая головы.

Дашины волосы коснулись ее спины. Опустив руку на бедро сестры, Даша наклонилась и чмокнула ее в затылок. Мимолетная нежность охватила Татьяну, но прежде, чем Даша успела что-то сказать, раздался резкий мамин голос:

— Немедленно поднимайся! Через несколько минут по радио передадут важное сообщение.

— Где ты была прошлой ночью? — шепнула Татьяна сестре. — Явилась чуть ли не утром!

— Что же тут поделаешь, — смеясь, оправдывалась Даша, — если рассвет теперь едва ли не в полночь! Так что, когда я вернулась, было не так уж и поздно. Вы все спали.

— Рассвело только в три, и тебя еще не было!

Даша нахмурилась:

— Скажу папе, что застряла на том берегу реки, когда развели мосты.

— Скажи-скажи! Посмотрим, что он ответит, особенно когда объяснишь, что именно делала на другом берегу реки в три часа ночи.

Татьяна повернулась на спину. Сегодня Даша выглядела особенно привлекательной. Темно-каштановые волосы беспорядочными прядями ниспадали на плечи, а оживленное круглое личико с темными глазами то и дело меняло выражение. В данный момент оно пылало добродушным возмущением. То же, хотя куда менее добродушное, чувство владело и Татьяной. Когда же ее наконец оставят в покое и дадут поспать?

Но, заметив напряженно сжатые губы матери, Татьяна невольно встревожилась:

— А какое сообщение?

Мать молча принялась убирать простыни с дивана.

— Мама! Какое сообщение? — повторила Татьяна.

— Через несколько минут будут передавать правительственное сообщение. Это все, что я знаю, — сухо ответила мать, покачивая головой, словно говоря: *чего тут не понять?*

Татьяна неохотно села. Сообщение. Не часто бывает такое, когда прерывают музыку, чтобы сделать официальное заявление.

— Может, мы снова вторглись в Финляндию? — пробормотала она, потирая глаза.

— Тише! — прошипела мать.

— А может, это они напали на нас. Хотят получить обратно свои территории, потерянные в прошлом году.

— Мы никуда не вторгались, — произнесла Даша. — И в прошлом году мы отвоевывали *свои* территории. Те, что потеряли в Первой мировой войне. И нечего подслушивать взрослые разговоры!

— Никаких территорий мы не теряли, — возразила Татьяна. — Товарищ Ленин отдал их добровольно. Это не считается.

— Таня, мы не воюем с Финляндией. Вставай!

Но Татьяна и не подумала слушаться.

— Значит, Латвия? Литва? Белоруссия? Нет, вряд ли. Ведь мы их освободили от гнета... Тогда что же?

— Хватит чушь молоть, Татьяна!

Мать всегда звала ее полным именем, когда сердилась и хотела показать дочери, что сейчас не время дурачиться. Татьяна, однако, не унималась:

— Все же как это понимать? Я сгораю от нетерпения!

— Я сказала — хватит! — воскликнула мать. — Довольно! Немедленно вставай! Дарья, подними свою сестрицу с постели.

Даша не пошевелилась.

Мать, недовольно ворча, вышла из комнаты. Даша, быстро повернувшись, заговорщически шепнула:

— Мне нужно кое-что тебе сказать.

— Что-нибудь хорошее? — вскинулась Татьяна. Даша обычно не откровенничала с младшей сестрой.

— Свершилось! — театрально провозгласила та. — Я влюблена!

Татьяна закатила глаза и плюхнулась на подушку.

— Перестань! — воскликнула Даша, запрыгнув на нее сверху и придавив к матрасу. — Это серьезно!

— Ну да, как же! Встретила его вчера, когда развели мосты? — ухмыльнулась Татьяна.

— Вчера у нас было третье свидание.

Татьяна тяжело отдувалась, глядя на лучившуюся радостью сестру.

— Слезь же с меня наконец!

— А вот и нет, — хихикнула Даша, принимаясь ее щекотать. — Ни за что, пока не скажешь: «Я счастлива за тебя».

— С чего это вдруг? — сказала Татьяна. — И вовсе я не счастлива! Не я же влюблена! Отстань от меня!

В комнату снова вошла мать с подносом, на котором стояли чашки. Поставив его на стол, она удалилась и вернулась с самоваром.

— Да угомонитесь вы или нет? Слышите?

— Да, мама, — послушно отозвалась Даша, напоследок ткнув сестру в бок.

— Ой! — завопила Татьяна. — Она мне все ребра переломала!

— Я вот сама сейчас вам кое-что переломаяю! Вы уже слишком взрослые для подобных игр!

Даша показала Татьяне язык.

— Тоже мне, взрослая! — фыркнула Татьяна. — Двухлетний ребенок и тот умнее! Только мамочка об этом не знает.

Но Даша продолжала дурачиться. Татьяна ловко подпрыгнула и ухватила ее за язык. Даша взвизгнула. Татьяна разжала пальцы.

— Что я сказала?! — повысила голос мама.

— Увидишь его — сама влюбишься, — прошептала Даша Татьяне. — До чего красивый!

— Неужели лучше того Сергея, с которым ты ко мне приставала? Все твердила, как он красив!

— Прекрати! — прошипела Даша, шлепнув ее.

— Ни за что! — пропела Татьяна. — Кажется, это было на прошлой неделе!

— Где тебе понять, глупая девчонка! — отмахнулась Даша, снова шлепнув сестру.

Мать опять прикрикнула на них, и обе притихли.

В комнате появился глава семейства, Георгий Васильевич Метанов, приземистый мужчина лет сорока пяти. Густые взъерошенные черные волосы его только начали седеть. Это от него унаследовала Даша свои непокорные локоны.

Он прошел мимо кровати, безучастно взглянул на дочь, все еще прятывшуюся под простыней, и резко бросил:

— Таня, уже полдень. Немедленно вставай, иначе хуже будет. Чтобы через две минуты была одета!

— Легко, — ответила Татьяна, прыгая на кровати и демонстрируя семье, что на ней вчерашняя блузка и юбка.

Даша с матерью только головой покачали. Мать поспешно отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Что нам с ней делать, Ирина? — вздохнул отец, глядя в окно.

Ничего, подумала Татьяна, главное, чтобы папа поменьше обращал на нее внимание.

— Скорее бы выйти замуж! — буркнула Даша, все еще сидевшая на кровати. — Тогда, по крайней мере, хоть комната была бы, где можно спокойно одеться!

— Шутишь? — хихикнула Татьяна, снова подпрыгнув на кровати. — Всего и добьешься, что твой муж тоже сюда вселится. Мы с тобой и с ним уместимся на кровати, а Паша ляжет у нас в ногах. До чего же романтично, просто сил нет!

— Не выходи замуж, Дашенька, — рассеянно сказала мать. — Хоть в этом Таня права. У нас нет места.

Отец молча включил радио.

В их длинной узкой комнате умещались кровать, на которой спали Татьяна с Дашей, диван для отца с матерью и низкая раскладушка, где ночевал Паша, Татьянин брат-близнец. Топчан стоял в изножье кровати, поэтому Паша именовал себя комнатной собачкой.

Бабушка с дедом жили в соседней комнате, куда можно было попасть через короткий коридор. Там, на маленькой кушетке, иногда спала Даша, когда приходила поздно и не хотела никого беспокоить, особенно родителей, от которых на следующий день наверняка можно было ждать нагоняя. Кушетка в коридоре была всего метра полтора длиной и больше подходила для Татьяны, не отличавшейся высоким ростом. Но Татьяна редко являлась домой после полуночи. Вот Даша — дело другое.

— Где Паша? — спросила Татьяна.

— Завтракает, — отмахнулась мать, не переставая хлопотливо прибираться.

В противоположность отцу, застывшему на диване, она порхала по комнате как пчелка, собирая пустые папиросные коробки,

поправляя книги на полке, вытирая рукой маленький столик. Татьяна по-прежнему стояла на кровати. Даша по-прежнему сидела.

Метановым повезло: у них были две комнаты и выгороженный коридор. Шесть лет назад они сделали в конце коридора дверь, и таким образом получился отдельный вход, как в собственной квартире. Их соседи Игленко ютились вшестером в одной большой комнате, двери которой выходили в общий коридор. Что ж, ничего не поделаешь.

Солнечный свет струился сквозь развевающиеся белые занавески.

Татьяна знала: это всего лишь миг, краткое мгновение, предвестие наступающего дня. Скоро все это исчезнет. И все же... солнце, заливавшее комнату светом, отдаленный гул автобусов, легкий ветерок...

Та часть воскресенья, которую больше всего любила Татьяна, — начало.

Вошел Паша с дедом и бабушкой. Он с Татьяной ничуть не походили друг на друга, хотя были близнецами. Невысокий темно-волосый паренек, точная копия отца, небрежно кивнул Татьяне и одними губами произнес:

— Классная прическа.

Вместо ответа она высунула язык. Подумаешь, не успела причесаться!

Паша уселся на топчан, а бабушка устроилась рядом. Самая высокая из Метановых, она сумела поставить себя так, что считалась в семье главным судьей и авторитетом. Величественная, рассудительная, неизменно здравомыслящая, седовласая, она вечно командовала смирным, застенчивым дедом, со смуглого лица которого никогда не сходила добрая улыбка. Дед сел на диван вместе с папой и тяжело вздохнул:

— Должно быть, какая-то неприятность, сынок.

Отец встревоженно кивнул.

Мать продолжала сосредоточенно тереть стол. Бабушка задумчиво гладила Пашу по спине.

— Паша, — шепнула Татьяна, подбираясь к изножью кровати и дергая брата за рукав, — пойдем в Таврический сад поиграем в войну? Спорим, я тебя побью!

— Мечтать не вредно, — хмыкнул Паша. — Черта с два!

Из громкоговорителя раздались сигналы точного времени. Двенадцать часов тридцать минут. Воскресенье, 22 июня 1941 года.

— Татьяна, замолчи и сядь! — велел отец. — Сейчас начнется. Ирина, успокойся и тоже садись.

По комнате разнесся голос Молотова, наркома иностранных дел:
— Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее сообщение. Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие — причем убито и ранено более двухсот человек...

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории независимых народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией был заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Голос смолк. В комнате повисла тяжелая, напряженная тишина.

— О господи! — произнес наконец папа, не отрывая взгляда от Паши.

— Нужно немедленно взять деньги со сберкнижки, — встrepенулась мама.

— Неужели опять эвакуация? — простонала бабушка Анна. — Только не это. Еще одну я не переживу. Лучше уж останусь тут.

— И работы я себе там не найду, — добавил дед. — Мне почти шестьдесят четыре. Умирать пора.

— Но ведь Ленинградский гарнизон не пойдет на фронт, верно? Фронт сам сюда подберется! — оживилась Даша.

— Война! — воскликнул Паша. — Слышишь, Таня, война. Я иду в армию. Сражаться за Родину.

Прежде чем Татьяна успела воскликнуть: «Вот это да!» — отец вскочил с дивана и бросился к сыну:

— Что ты мелешь? Кто тебя возьмет?

— Брось, папочка! — улыбнулся тот. — Хорошие солдаты везде нужны.

— Именно солдаты. Не дети! — рявкнул отец и, встав на колени, заглянул под кровать.

— Война? Но это невозможно! — проговорила Татьяна. — Разве товарищ Сталин не подписал мирный договор?

— Возможно, Таня, — вздохнула мать, разливая чай. — Все возможно.

— И нам придется *эвакуироваться*? — допытывалась Татьяна, стараясь скрыть радостное возбуждение.

Отец вытащил из-под кровати старый, потрепанный чемодан.

— Так скоро? — выпалила Татьяна.

Она знала об эвакуации по рассказам деда и бабушки, которым пришлось бежать из города во время революции семнадцатого года и поселиться где-то на Урале, в деревушке, названия которой Татьяна так и не запомнила. Ожидание поезда со всеми вещами, давка, переправа через Волгу на баржах...

Всякие перемены невероятно волновали Татьяну. Как и все неизвестное. Однажды она ездила в Москву, в восемь лет, но разве это считается? Москва, подумаешь! Это неинтересно. Не то что Африка, например. Или Урал. Кроме Красной площади, там и смотреть не на что!

Правда, Метановы часто бывали всей семьей на экскурсиях: Пушкин, Петергоф... Большевики превратили летние дворцы царской семьи в роскошные музеи с прекрасными парками. Гуляя по залам, осторожно ступая по холодному мрамору, Татьяна поверить не могла, что было время, когда *тут*, в этих огромных залах, жили люди.

Но потом семейство возвращалось в Ленинград, в две комнатки на 5-й Советской, и прежде, чем попасть в свою комнату, Татьяне приходилось идти мимо Игленко, у которых дверь вечно была распахнута: духота там стояла невыносимая.

Когда Татьяне исполнилось три года, семья отдыхала в Крыму, том самом Крыму, который сегодня бомбили немцы. Именно тогда она в первый раз, правда и в последний, попробовала сырую картошку. Она ловила головастиков в луже и спала в палатке. И до сих пор она смутно помнила запах соленой воды. Именно в холодном апрельском Черном море она впервые встретилась с медузой, которая, проплывая мимо, коснулась ее своим беловатым и студенистым тельцем и заставила взвизгнуть от ужаса и восторга.

При мысли об эвакуации у Татьяны от волнения свело живот. Рожденная в 1924-м, в год смерти Ленина, *после революции, после голода, после Гражданской войны*, она пропустила худшее, но так и не увидела лучшего. Поскольку появилась на свет в *межвременье...*

Словно догадавшись о ее внутреннем состоянии, дедушка тихо спросил:

— О чем ты думаешь, Танечка?

— Ни о чем, — ответила внучка как можно спокойнее.

— Вот как? Война началась. Понимаешь?

— Понимаю.

— А мне почему-то кажется, что нет. — Дедушка помедлил, а потом добавил: — Таня, жизнь, которую ты знала до сих пор, окончена. Помяни мои слова. С этого дня все будет совсем не так, как ты себе представляешь.

— Точно! — возбужденно воскликнул Паша. — Мы еще покажем немцам! Погоним их обратно пинками!

Он улыбнулся Татьяне. Та согласно кивнула. Мама и папа молчали.

— Да, — хмыкнул папа. — И что потом?

Бабушка поднялась и, подойдя к дивану, села рядом с дедом. Татьяна заметила, что она стиснула его руку в своей большой и морщинистой ладони, поджала губы и многозначительно кивнула. Неужели она что-то знает, но не хочет рассказывать? Дедушка тоже знал, однако смятение Татьяны было слишком велико, чтобы обращать внимание на подобные вещи. Какая, в конце концов, разница? Они уже старые и ничего не понимают!

— Что ты делаешь, Георгий? — неожиданно спросила мать, словно только сейчас увидела чемодан.

— Слишком много детей, Ирина. Не знаешь, о ком больше беспокоиться, — мрачно буркнул он, сражаясь с замками.

— В самом деле, папа? — выпалила Татьяна. — Не знаешь? А о ком меньше всего ты беспокоишься?

Отец, не отвечая, подошел к шифоньеру и принялся кое-как швырять Пашины вещи в чемодан.

— Ирина, ему нужно срочно уехать. Я отправляю его в Толмачево. В лагерь. Они с Володей Игленко как раз собирались туда на следующей неделе. Поедет немного раньше, какая разница? И Володя с ним. Нина только рада будет отпустить его. Вот увидишь, все обойдется.

Жена сокрушенно покачала головой:

— Толмачево? Думаешь, там ему ничто не грозит? Ты уверен?

— Абсолютно, — заверил отец.

— Ни за что! — завопил Паша. — Папа, война началась! Никаких лагерей. Я иду на фронт. Добровольцем.

«Молодец», — подумала Татьяна, но тут отец круто развернулся и уставился на сына с такой яростью в глазах, что Татьяна мигом прикусила язык. Отец схватил Пашу за плечи и принялся трясти:

— Что ты сказал? Совсем спятил? *Добровольцем?!*

Паша попробовал вырваться, но отец держал его железной хваткой.

— Да отпусти же, папа!

— Павел, ты мой сын и обязан меня слушаться. Прежде всего тебе необходимо убраться из Ленинграда. Потом поговорим насчет фронта. А пока нужно успеть на поезд.

Во всей этой сцене, происходившей в маленькой комнате, на глазах у всей семьи, было что-то некрасивое, чтобы не сказать постыдное. Татьяне хотелось отвернуться, но куда? Напротив сидели дед с бабушкой, за спиной — Даша, слева — мать с отцом и брат. Она опустила голову и закрыла глаза, представив, как лежит на спине посреди летнего луга и жует сладкий клевер. И никого вокруг.

Как может все настолько разительно измениться за считанные секунды?

Она открыла глаза и моргнула. Одна секунда. Еще раз моргнула. Другая.

Несколько секунд назад она спала.

Несколько секунд назад прозвучала речь Молотова.

Несколько секунд назад папа принял решение.

И вот теперь Паша уезжает. Миг, миг, миг...

Дед и бабушка дипломатично помалкивали. Как обычно. Дед всегда старался оставаться в тени. Бабушка в этом отношении была полной его противоположностью, но именно в этот момент, очевидно, решила последовать его примеру. Возможно, потому, что он стискивал ее руку, стоило ей открыть рот; как бы то ни было, она безмолвствовала.

Даша, никогда не боявшаяся отца и ничуть не обескураженная надвигавшейся, но пока еще отдаленной опасностью, живо вскочила:

— Папа, это безумие! Зачем ты его отсылаешь? Немцы далеко от Ленинграда. Ты же слышал речь товарища Молотова! Они на западных границах. Это тысячи километров отсюда.

— Помолчи, Дашенька! — бросил отец. — Ты ничего не знаешь о немцах.

— Но их здесь нет, — убежденно повторила Даша голосом, не допуская дальнейших возражений.

Татьяна неизменно завидовала сестре, умевшей говорить так убедительно. Ее собственный голос был тихим, как дальнее эхо, словно она еще не стала женщиной, и во многих смыслах так оно и было. Даже месячные начались у нее только в прошлом году, и вряд ли их можно было назвать месячными, скорее кварталными. Пришли зимой, решили, что это им не нравится, и ушли до осени. Осенью снова начались, но с тех пор это произошло только дважды. А если бы все было как полагается, возможно, и голос у Татьяны приобрел бы необходимую звучность, как у Даши. По Дашиным месячным можно было календарь сверять.

— Дарья! Я не собираюсь спорить с тобой на эту тему! — воскликнул папа. — Твой брат не останется в Ленинграде. Паша, одевайся! Возьми новую рубашку.

— Папа, пожалуйста...

— Я сказал, одевайся. Нельзя терять ни минуты. Через час в пионерских лагерях не останется мест, и я не сумею впихнуть тебя туда.

Наверное, было ошибкой говорить все это Паше, потому что Татьяна в жизни не видела, чтобы брат так медленно двигался. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем он отыскал единственную приличную рубашку. Родственники тактично отвели глаза, пока он одевался. Татьяна снова представила летний луг, окутанный медовым ароматом скошенной травы. Хорошо бы съесть горсть черники...

Она неожиданно поняла, что немного проголодалась, но вряд ли стоило сейчас об этом упоминать.

— Я не хочу ехать, — жаловался Паша.

— Это ненадолго, сынок, — уговаривал отец. — Так, на всякий случай. В лагере тебе будет спокойнее. Поживешь там месяц, пока не станет ясно, как развернутся события. Потом вернешься. И если начнется эвакуация, мы заберем тебя и сестер.

Именно это Татьяна и жаждала услышать.

— Гоша, — тихо позвал дед. — Гоша!

— Да, папочка, — почтительно откликнулся отец.
Никто, даже Татьяна, не любил деда больше, чем он.
— Гоша, ты не можешь избавить мальчика от призыва.
— Конечно могу. Ему всего семнадцать.
— В том-то все и дело. Его непременно заберут.
Тень бессильного страха легла на лицо отца и тут же исчезла.
— Не заберут, — прохрипел он. — Понятия не имею, о чем ты толкуешь.

У него язык не поворачивался высказать все, что лежало на сердце: *перестаньте болтать и дайте мне спасти сына единственным известным мне способом.*

Дед молча откинулся на спинку дивана.

Татьяна, с тревогой глядя на отца, попыталась что-то сказать, но мать перебила ее:

— Пашенька, возьми свитер, дорогой.
— Какой свитер, мама? Сейчас лето.
— Две недели назад еще были заморозки.
— А теперь стоит жара. Не возьму!
— Слушайся мать, Павел, — строго вмешался отец. — В Толмачеве ночи холодные. Возьми свитер.

Паша раздраженно вздохнул, но все же бросил свитер в чемодан. Отец закрыл его и защелкнул.

— Послушайте, что я скажу. Мой план таков...
— Какой план? — отмахнулась Татьяна. — Хорошо бы поесть немного, потому что...
— Знаю, — отрезал отец, — а теперь помолчи! Это и тебя касается.

Он начал говорить, но Татьяна уже плюхнулась на постель. Если они не эвакуируются *немедленно*, какой смысл слушать?

Паша каждое лето отправлялся в лагерь для мальчиков в Толмачево, Лугу или Гатчину. Он предпочитал Лугу, потому что там были лучшие места для купания. Татьяна тоже любила, когда брат ездил в Лугу, поскольку лагерь располагался недалеко от их дачи и она могла часто навещать Пашу. Если идти лесом, то это всего пять километров. А Толмачево находилось километрах в двадцати от Луги, и вожатые там были строгие и требовали, чтобы ребята поднимались с восходом солнца. Паша утверждал, что это немного похоже на армию. Что ж, теперь это будет немного похоже на фронт.

В этот момент Даша сильно ущипнула ее за ногу. Татьяна нарочно вскрикнула в надежде, что сестре попадет. Но всем было все равно. Никто даже не заметил, не взглянул на нее. Все взгляды были устремлены на Пашу, неуклюжего и голенастого, в мешковатых коричневых брюках и выцветшей рубашке. Почти взрослый. Самый любимый.

Любимый ребенок. Любимый внук. Любимый брат.

Единственный сын.

Татьяна поднялась, встала рядом с Пашей и, обняв его за плечи, посоветовала:

— Выше нос! Хорошо тебе, едешь в лагерь, не то что я.

Он немного отстранился, но не потому, что ему было неприятно. Просто совсем не считал, что ему повезло. Татьяна знала, что брат больше всего на свете хочет попасть в армию. И ему не до дурацкого лагеря!

— Паша, — жизнерадостно объявила она, — поиграем в войну, а? Сначала ты должен меня победить. А потом можешь идти добровольцем бить фашистов.

— Заткнись, Таня, — буркнул Паша.

— Заткнись, Таня, — эхом отозвался отец.

— Папа, можно мне тоже поехать в лагерь? — не унималась она.

— Паша, ты готов? Идем, — не отвечая, бросил отец.

— Хочешь анекдот, дорогой братец? — не желая сдаваться, продолжала Татьяна, ничуть не обескураженная грубостью брата.

— Нужны мне твои глупые анекдоты!

— А этот тебе понравится.

— Что-то не верится.

— Татьяна! Сейчас не время для такой ерунды! — вмешался отец.

— Гоша, пусть девочка расскажет, — вступился дед.

— Солдата ведут на казнь, — начала Татьяна, благодарно кивнув деду. — «До чего же гнусная погода», — говорит он конвойным. «Кто бы жаловался... — говорят они. — Это нам еще обратно под дождем идти!»

Никто не шевельнулся. И даже не улыбнулся. Только Паша поднял брови, ущипнул сестру и шепнул:

— Отлично, Таня!

Она вздохнула. Сегодня не ее день, это точно.